

ПОРНО РАССКАЗЫ:

Лучшие рассказы
Новые рассказы
А в попытку лучше
Ваши рассказы
Группа
Бисексуалы
Гомосексуалы
Гетеросексуалы
Зоофилья
Романтика
Измена
Классика
Клизма
Инцист
Лесбиянки
Наблюдатели
По принуждению
Потеря
девственности
Позизия
Остальное
Пушистики
Первый опыт
Свингеры
Служебный роман
Случай
Станности
Студенты
Фантазии
Фрагменты из
запредельного
Фетиш
Эротика
Эротическая
сказка
Экзекция
Экзлюзив
Эта живительная
влага
Это главное
слово - миньет
Жено-мужчины
Юмористические
Я хочу пи-пи

Поиск по автору

Добавить рассказ

Контакты

READPORNО - RU

ReadPorno.ru - это специально отобранные порно рассказы и порно истории от лучших авторов со всего Интернета. На нашем сайте самая большая и регулярная пополняемая коллекция порно рассказов и любовных историй, отсортированных по категориям и рейтингу. [Читайте порно у нас!](#)

... В. Лучшему миссрубику, эфрейтору глущи. 3. Г. за проявленный гедонизм, Бахлушину О. Я. редовому производству.

Иван улынулся, наверно, нарочным ошибкой грамматики. Он вышел из места, где очередь изгибалась под туным твистом. Отсюда, когда дверь отворялась для выпуска очередного солдата, был виден, облицованный кафелем, тамбур, - скорее всего, разделяла перед входом в цех... И точно! Вскоре Иван разорвал над грудой мусора в угу, выжнутого на доске, надпис: "Оставьте одежду вск... [[читать дальше](#)]

Название: [Любовь моя, боль моя](#)
Автор: [Даниль](#)
Категория: [Инцист](#) [Первый опыт](#)
Добавлено: 13.12.2012
Оценка читателей: 5.78

- Дядя, ты потрешь мне спину? Улыбается, стервоза, смотрит хитро вполоборота. Женское коварство в тринадцатид лет... она знает, как сильно я ее хочу и как возбуждаюсь от одного вида ее голых плеч. Невинная и дерзкая забава... высунившись чуть-чуть из пены, дразнить мужчину обнаженной спиной, давая простор для фантазии и в месте с тем - никакого намека. Просто племянница обращается к родственнику, который для нее не мужчина, а так... Хотя родственники мы еще те.

Уже который год она растет перед моими глазами. Уезжая и возвращаясь в город, я первым делом иду в дом к своему кузену. Крепкий мужик. Ручищи у него что два молота. И с любой техникой он на ты... разберет и соберет хоть трактор, хоть самолет. Он рад меня видеть... пожалуй, я единственный человек в его окружении, кто не попрекает ни женой-идиоткой, ни неконечным университетом. И всегда мне навстречу выбегает она. Сначала неуклюжий младенец, потом костлявый подросток. Но однажды дверь мне отворила маленькая красавица. Я словно прозрел. Поперхнувшись и пробормотав что-то о срочных делах, я потиснулся мимо нее в комнату. Наситая тела соприкоснувшись. По моему телу будто пробежал электрический разряд. И с этого момента она начала видеть во мне мужчину. Видеть и дразнить всеми возможными способами. Ей нравится чувствовать власть надо мной. Нравится дергать за невидимые ниточки, видя, как здоровый мужик истекает похотью, но бесилен перед своим желанием. Ведь она - моя племянница. Впрочем, только с юридической точки зрения.

Когда кузен привел Мышку домой, его мать - моя тетка - возненавидела будущую невестку с первого взгляда. Мышка была не наших кровей, а семья была обаяй, заложенный поколения назад. Кузен дрогнул, но не отступил. Дядяка рвал на себе волосы и грозился лишить наследства. Кузен только мрачнел с каждым днем, бросил учиться и пошел работать в порт. Потом грузчиком в магазин. Потом мастером в гараж. А через семь месяцев, захватив свою беременную жену, отбыл в другой город. Тетка три дня пролежала на своей широкой кровати с почерненным от слез лицом. Недели две спустя ее ожидал новый удар... кузен позвонил из какой-то дыры и прорывався через шум помех, сказал ей, что она стала бабушкой.

- Я знала, что она брюхатая уже когда увидела ее в первый раз! - Вошла тетя нечеловеческим голосом. - Это не твои дитя! Ты смерти моей хочешь, подлец! Чтоб глаза мои больше не видели ни тебя, ни эту потаскуху!

Тетиню желание, увы, сбылось. Кузен вернулся в наш город через год с небольшим на похороны матери, но на руках очаровательно богдыхеггэээе создание. Племянница пошла, как говорится, не в мать, не в отца, а в заетского моллода. Явное несходство с родителями наблюдалось еще в младенческом возрасте. И чем дальше, тем больше. Но кого-то она мне все-таки напоминала. Этот поворот головы, эта мягкая походка...

Нет, нет! Не думать о ней, не думать! Иначе во мне просыпаются совсем не родственные чувства.

Кличку ее матери придумал я. Серая, маленькая, с куцым хвостиком волос. Как такую называть? Только Мышкой. Молчаливая, как мушкетера фараона, и явно немногое не в себе. Увлекалась она юмией, окултизмом и прочей дребеденью, зато в ее глазах делух отлисалась редкой ленью. В первый раз я увидел ее, когда кузен вместе с ней пришел проводить меня в больницу.

- Привет! - Широко улыбувшись, он перешагнул порог. Скромной тенью сзади него в палату просочилась Мышка. - Знакомьтесь. Это моя будущая жена. А это...

И он понес обычную чепуху, которую полагается говорить в такие минуты. Кузены... Но растем как родные братья... Однажды он вытаскил меня из болота, я ему жизнью обязан... А вот теперь видишь, попал в передарку, какие-то подонки отлупили... Частичная потеря памяти...

Слушал я его вполуха. Лицо Мышки было мне знакомо. Но голова трещала так, что напечатать память было просто невозможно. Минут через десять в палату заглянул врач и строго сказал, что мне необходим покой. Мышка с кузеном ушли, а я опять провалился в тяжелое забытие.

В полубреду передо мной мелькали события последних дней. Точнее, те отрывки, которые сохранил мозг.

Выходные. Наша дружная компания идет по городу. Я уже пьян настолько, что не понимаю, каким образом мы очутились в кабаке "Три сосны". Никогда не любил это заведение. Я заказываю пиво "Хайникен". Кто-то говорит мне... "Хватит". Я возражаю. Передо мной смутно маячит фигура официантки, я начинаю отпускать привычные сальности. Вся компания ржет. Потом, кажется, у меня был секс... Или это уже моя большая фантазия? Дальше... Меня приложили крепко по голове, но кто - не помню. Очнулся я уже в палате.

Что-то еще не дает мне покоя, пока я валяюсь на больничных простынях. Наверное, тот ужас, который я прочел в глазах Мышки. Из-за чего она так смотрит на меня? Этот вопрос я буду задавать себе еще несколько лет, пока ее не уклеи в психушку. Потом мое внимание полностью заняла Аврора.

Не судите меня строго. За последнее время я прочел такое количество научной медицинской литературы, что могу поспорить с любым профессором психологии. Желать, страстно хотеть маленькую девочку? Да. Да, повторяю я вам, да! Ведь даже в таком возрасте можно рассмотреть ту, кем она станет в будущем - коварной, обольстительной женщиной.

Что знаете вы, многочисленные ханжи о прелести той юности, которая не познала еще всей радости жизни? Что можете вы возразить мне? Тому, кто днем и ночью бредил ей. Тому, кто сдерживал свои порывы. Тому, кто видит ежедневно на улицах сотни молодых лиц. Они, учащиеся колледжей, хотя бы взрослыеми. И играют во взрослые игры. А мы, в свою очередь, ведем себя как наивные дети, потому что не хотим замечать очевидного.

Вспомните слова Макмерфи в фильме Формана. "Она сказала, что ей восемнадцать, выглядела на все тридцать, а оказалось, что ей пятнадцать". М-да... Попробуй так же сблизиться!

Аврора тоже выглядела чуть старше своих лет...

Почему кузен выбрал именно это имя для своей дочери? Сначала мы все посмеялись, но, как говорится, хозяин - барин. Аврора так Аврора. Дети кузины так вообще хотел, чтобы внука - если родится мальчик - назвали Навуходносором. Видать, ненормальных у них в семьеке хватало.

Мышка была тронутой, судя по всему, с раннего детства. И чем она привлекала этого мужика, мне не понятно. Да еще и с животом... Кузен всегда был сдобольным человеком. Ох, подаете его эта дорбота! Я первый подвел его к мысли, что в больнице Мышке будет намного лучше! До сих пор боюсь признаться себе в том, что к этому меня подстегнула не забота о женщине, а скорее влечение к Авроре.

Долго уговаривать кузена мне не пришлось. Мышка сама дала повод к визиту врача, когда попыталась влезть в петлю вместо у меня дома на кухне. Это произошло в ноябре. Мне исполнилось тридцать, а Авроре - тринадцать. Нас разделяло семнадцать лет... И бездна моего желания.

Пили, вообще-то, за меня, но я, захмелев, предложил тост за Мышку. Уж очень убогой она мне казалась в тот день. Немного заплетаясь языком я умудрился воспеть ее достоинства и повалился обратно на ступ. Мышка - я заметил это - вздрогнула и даже не поблагодарила меня. Короче, тост оказался немозгослаанным. Потом она удалиться на кухню, и через несколько минут мы услышали грохот падающего стула.

- Дорогая, с тобой все в порядке? - Спросил кузен. Он только шел за роаль, и был крайне недоволен тем, что нас прервали. Петь он любил.

Мышка не отозвалась. Кузен нахмурился и не спеша пошел посмотреть на свою тронутую женушку. Затем мы услышали его крик.

Какие счастье, что Аврора в это время высочила на улицу к своим подругам! У бедной девочки был бы нервный срыв. Ее мать повесилась на дереве старого, но крепкого шкафа. Кто-то из гостей схватил нож и перерезал веревку. Мышка рухнула на пол, как мешок с грязным бельем.

Потом мы сутеллись, вызывали врача, пытались замаят скандал. Все-таки, приличная семья, не хотелось выносить сор из избы.

Кузен первый произнес эту фразу.

- Она сошла с ума.

Я ответил...

- Может, ей просто нужен квалифицированный психиатр?

- Нет, - ответил кузен. - Ей нужен постоянный уход. Я долго думал об этом. Я боюсь за Аврору.

И судьба Мышки была решена. В психиатрической лечебнице нам сказали, что она выйдет не раньше, чем через полтора года. Времени у меня было достаточно. Но потом произошло неожиданное... меня срочно перебросили директором филиала в другой город.

В следующий раз я увидел свою племянницу через полгода. Долгие сто восемьдесят дней, каждый из которых наполнен томлением и страстью. Она писала мне письма. Далеко не детские и не наивные. Она знала. Она все знала.

Я вновь и вновь перечитывал "Лолиту", невольно проводя параллель между собой и Гумбертом Гумбертом. Как там у Набокова... "Меня мучило от вожделения, я страдал от тесноты одежд".

Я хотел Аврору. Хотел безумно, бесовесно, бесконечно. Она сияла мне, каждую ночь, обнаженная, как первая женщина, простертая плечом мной, готовая исполнить любую мою прихоть. И я страдал. Страдал так, что кричал ногами, приводя в ужас своих соседей. Они начали распускать слухи, что у меня случаются припадки. В конце концов меня отозвали обратно.

И когда я вернулся в город, то первым делом поехал в гости к кузену.

Аврора выпорхнула мне навстречу в легком спортивном костюме.

- Дядюшка! - Радостно завопила она, бросаясь ко мне на шею.

И я не выдержал. Вместо того, чтобы поцеловать ее в щеку, я впился страстным поцелуем ей в губы. И она... Нет, не просто отозвалась на него, а ответила не менее горячо и страстно.

Наш поцелуй длился не меньше минуты. Потом я с сожалением отстранился. Я не хотел, чтобы кузен застал ее в моих объятиях. И так я компрометировал себя слишком уж откровенными взглядами.

... Так началась долгая и сладостная пытка. Аврора изводила меня искусно. Я не скрывал своего желания, а она не таила, что издевается надо мной. То выйдет встречать меня, завернувшись в одно полотенце, - "Ты выдернул меня прямо из ванной" - и быстро бежит якобы закончить свое омование, но буквально за секунду до того, как за ней захлопнется дверь, я вижу, как полотенце падает на землю, и моему взору предстают очертания гибкого девичьего тела. То звонит мне на мобильный и, начиная рассказывать о своих снах, где фигурируют другие мужчины, причнем все это в таких подробностях...

Пару раз такие звонки заставляли меня за рулем и я чуть было не поел в автаре. Аврора умела подбирать образные выражения, этого у нее не отнять. Тяжело сделать за дорогой в тот момент, когда тебе пересказывают очередной Декameron. Но сказать ей "Остановись!" я не мог. Ее глубокий хриплый голос вводил меня в какой-то транс. Слушать ее я мог часами, не переставая.

Однажды ее звонок раздался в третьем часу ночи. Я подскочил, как ужаленный - накануне у меня был тяжелый день, и я даже не заснул, а провалился в забытие.

- Алло!

- Дядя... Я разбудила тебя?

- Чо ты хочешь, Аврора?

- А чего бы ты хотел, чтобы я хотела?

- Аврора, ты действительно разбудила меня. Я очень крепко сплю.

- А я - нет... Я думала о том, почему мужчины и женщины такие...

- Какие, Аврора?

- Странные...

И она повесила трубку.

На следующий день она сама приехала ко мне на работу.

- Прости, я не хотела тебя будить, но мне было так одиноко...

- А твои подруги, Аврора?

- Эти инфантильные малолетки? Дядя, он же до сих пор в куклы играет! А мне надо обсудить очень многое. То, что обсуждают только с мужичинами.

- Аврора, что с тобой?

- Не знаю, дядюшка. Наверное, я просто взрослею.

Она резко отвернулась от меня, и мне показалось, что ее плечи вздрогнули. Я протянул руку, чтобы успокоить ее, но она скинула ее и убежала.

Вечером я заехал к ним. Кузена дома не было, он уехал по каким-то своим делам. Аврора открыла двери прижалась ко мне.

- Прости, я себя веду так отвратительно. Я знаю, так бывает у многих, когда начинаются менструации. Что-то происходит со мной...

Я провел у нее тогда почти всю ночь. Она рассказывала о том, как тяжело складывается ее жизнь в колледже, какими плотоядными взглядами провожают ее на улице, как ей хочется найти кого-нибудь надежного и сильного...

- Такого, как ты, - улыбулась она и положила мне голову на плечо.

Хочу отдать тебе должное, я выдержал это испытание. О, как мне хотелось вернуться в ее нагое тело, взорваться внутри ее дивного бутона болью и страстью... Не знаю, что кузен сдержало тогда. Возможно, я интуитивно почувствовал, что меня должен скоро приехать. Поэтому я просто целовал ее - дико, страстно, неистово, ласкал губами ее шею, ее руки, а потом уже и грудь. Аврора не сопротивлялась, когда я снял с нее топик. И только глаза ее были удивительно серыми. Нет, не так должна смотреть девушка на своего дядю, который овладевает безудержной силой.

Я не знаю, как бы закончилась эта ночь, если бы не звонок в дверь.

- Это папа! - Аврора проворно вскочила и натянула на себя топик - Быстро приведи себя в порядок!

Я на негнущихся ногах пошел в ванную комнату и плеснул в лицо холодной водой. Меня терзали совершенно противоречивые чувства. Я уже достаточно попил на свете, и видел, как рушилась жизнь кубелей, не вовремя засновтравшихся на молодые мордашки. Тем более, она меня считает своим дядей. С другой... Ведь она не сопротивляется мне.

Если бы я был религиозен, то, наверное, помолился. А так - лишь ограничился ледяным душем. Но страсть моя не утихла.

... Два дня спустя произошло событие, которое без преувеличения можно назвать эпохальным. Какой-то журналист тиснул в центральной газетенке статью о кузене. Дело в том, что мой родственник еще лет пять назад модернизировал самый обычный мотор в капот-от агрегате и запатентовал свое изобретение. И вот этим методом заинтересовалась пресса, а потом уже и представители одной японской фирмы. Они позвонили кузену и пригласили к себе на три-четыре месяца. Поработать, присмотреться, возможно, получить долгосрочный контракт. Кто бы отказался от такого предложения?

- Берегите их! - Напутствовал он меня, стоя в аэропорту. - За Аврору я не беспокоюсь, вы с ней хорошо ладите, но вот... - Он замолчал. Я понимал его. Мышка все чаще стала выказывать свою неприязнь ко мне. Чем старше становилась Аврора, тем тяжелее были отношения с ее матерью. Мышка так долго провела в психиатрической лечебнице, что уже считала ее своим домом. Врач сказал мне, что состояние ее улучшается, и ей предстоит провести здесь еще пару-тройку месяцев. Меня такая ситуация не устраивала.

Сначала я хотел заехать за Авророй в колледж. Но, подумав, сразу направился в больницу к Мышке. Хотя с ней я поговорить не смог. Едва увидев меня, она опротиве бросилась в свою палату. Я пожал плечами - что взять с ненормальной? - и пошел к ее врачу.

Он долго беседовал со мной на отвлеченные темы. Мы успели обсудить положение на Ближнем Востоке, прошедшую на днях автомобильную выставку, скандальную историю с известной певицей (не помню, как ее зовут, но тогда только ленивый не плул ее за аморальное поведение). Потом, пряча глаза, он завел долгую и нудную песню про то, как сейчас плохо финансируется здравоохранение...

Мне, правда, было довольно забавно слушать, как этот очкастый филин вытывает из меня деньги. Дослушав его монолог до конца, я не спеша закурил сигарету и долго пускал дым в потолок. Начал я тоже издалека. Мой рассказ сводился к тому, что на моем попечении остается несовершеннотелая племянница, работа у меня тяжелая, тянуть сразу двух иждивенцев будет крайне обременительно, тем более я боюсь за девочку, мать которой способна вести себя крайне агрессивно...

Расстались мы через полчаса добрыми друзьями. Мой банковский счет существенно увеличился. А пребывание Мышки в стенах лечебницы уменилось на восемь лет. Это мне вполне устроило. Тринадцатид... Нет, уже скоро четырнадцатид плюс восемь... Да, все сойдется. Когда она выйдет из больничных стен, моя возлюбленная будет уже совершеннолетней.

Я подыехал к их дому поздним вечером. Она стояла на пороге в легком платьице, краиня выгодно подчеркивающим ее фигуру.

- Аврора... Есть разговор. - Я произнес ее имя, так и не понимая, что хочу ей объяснить. Слишком многое надо было сказать в одной фразе... и затянувшееся лечение матери, и полная свобода после отъезда отца, и мое отношение к ней...

Но она прикрыла мои губы ладонью.

- Ничего не говори. Иди ко мне.

Еще один раз, обращаясь к своей памяти и заглушая голос совести, я буду оправдываться тем, что это она первая позвала меня. Но тихий ехидный голосок моего alter ego все равно не давал покоя. Потом, когда грянула катастрофа, этот голосок превратился в громоподобный хохот. Впрочем, какая мне разница до этого теперя.

А тогда... Тогда я был бесовесно счастлив.

В спальне наверху я торопливо раздевал ее, срывая одежку с нежного девичьего тела, покрывая поцелуями каждый сантиметр чудесной шелковой кожи, вбирая ноздрями аромат первой любви, жадно, ненасытно, до бешеного ссраждения, когда кажется, что внутри не маленький моторчик, а судорожно бьющаяся в поисках свободы запертая птица. Мой ладонь сжимали ее груди, и мы оба срывали поцелуи с ее уст, мое тело горело нестерпимым жаром желания, все мое естество требовало превращения в один пульсирующий уголек страсти.

Как она стонала! Как дрожало ее тело в моих руках! Как отвечал она на мои ласки, иногда нежные, иногда жесткие... Нет, нет, определенно, этого не описать словами, каким бы богатым не был язык. Это надо почувствовать, прожить полностью, ощутить... И когда она вырвалась из моих объятий - на мгновение тогда я понял, что назад уже дороги нет, и ничто не сможет заставить меня свернуть в сторону от моей мечты, моей Авроры...

Я сходил с ума от ее наготы, от ее свежести, ее едва заметной дрожи возбуждения, когда она положила ладони мне на грудь, прикрыла глаза и прошептала "Любимый". Внутри меня холодным ветром прохлелся озноб, сжав каждую мышцу тела. Это было больше чем желание, острее, чем похоть, мучительнее, чем жажда.

Она сама раздевала меня, делая это со смесью осторожности и любвиопыства. Когда ее язык заскользил вниз по моей груди, я с силой прикусил губу и только молил - вопреки своему атеизму - все высшие силы ускорь о том, чтобы это не было сном. Слишком уж прекрасна была реальность.

Ничего подобного больше в моей жизни произойти не могло. Я отдавал себе я отчет, что больше в моей жизни каждое мгновение нашей первой близости. Я словно видел нас со стороны - взрослого мужчину и девочку-подростка, одинаково возбужденных и приближенных к тому моменту, когда все кажется незначительным и призрачным, и остается только чувство.

- Любовь моя... - Это все, что я мог и хотел, пока она исследует губами мое тело, опускаясь все ниже и ниже, целуя меня так, как не будет больше целовать ни одна женщина, потому что никто и никогда не заменит в моем сознании Аврору. Мою Аврору. Теперь уже - мою. Полностью и без остатка.

Я наслаждаюсь этим моментом обладания своей девочкой, своей женщиной. Нет, еще не женщиной. Совсем чуть-чуть отделяет меня от этого момента, когда преграда рухнет, когда рот распахивается в беззвучном крике, когда мир делится на "до" и "после", когда...

Она крепко прижимается ко мне и обхватывает ногами.

- Бери меня, бери, бери...

Все вертится перед моими глазами, я теряю себя в пространстве, я вижу только это прекрасное лицо, только ощущаю ее тело, только чувствую себя парящим над бездонной простотью, куда можно упасть - и не вернуться, и миг этого падения бесконечно сладок.

Аврора, моя Аврора, моя...

Она тихо останавливает, двигается подо мной, ускоряет этот момент блаженства. Я сдерживаю, двигаюсь уже с трудом. Потому что я не просто обладаю ей - я нахожусь на пике наслаждения, я держу в объятиях мечту. Молодую, горячую, страстную нежную...

Самый последний бред, самые безумные сновидения - ничто по сравнению с этой реальностью. Это - сама жизнь. И я не просто люблю эту женщину, я живу ей, дышу ей, впитываю ее кожей.

Все сокровища мира, вся власть монархов иногда не стоят такого мгновения. Я прижимаю свою возлюбленную к себе крепче, зарываюсь лицом в ее пышные волосы.

- Аврора... Аврора... Аврора...

Дрожь наслаждения утихает, но ее тело долго лезу и целую голову своей девочкой. Потом перекатываюсь на спину и поворачиваю волосы.

У нее непонятное выражение лица. Какое-то отстраненное. Впрочем, что я хотел? Выражения восторга в первый же раз? Такое случается довольно редко, особенно если учесть, что Аврора - совсем юна. Но ничего. Я знаю, что нас все будет. Мы, скорее всего, даже уедем из этого города. Куда-нибудь на север. Там всегда можно найти работу. Главное, чтобы Аврора осталась со мной. Но я верю, что смогу ее уговорить.

Мы еще долго лежим, обнявшись. Я глажу ее спину, ягодицы. Во мне снова просыпается желание. Но я не хочу испугать ее. Почему-то мне кажется, что сейчас мне лучше потерпеть. Она поворачивает голову, и я целую ее в лоб.

- Я сейчас... улыбаюсь она мне и идет в душ. Пока она моется, я лежу и бездумно гляжу в потолок. Мне хорошо. Я даже боюсь себе признаться, насколько я счастлив.

Когда она выходит из ванной, я притягиваю ее к себе.

- И я тебя... Мама часто говорила в последнее время, что мне нужен такой мужчина, как ты...

Вот уж чего не ожидал от Мышки! Что-то екает внутри меня, но я не замечаю этого тревожного сигнала.

- Но она, наверное, не это имела в виду.

- А какая теперь уже разница?

Четырнадцатилетняя женщина. По-детски мудрая. Не по-детски серьезная. Почему-то мое настроение портится. Да же не знаю, в чем дело. Что-то не так. Но что?

Я очень хочу остаться у нее ночевать, но решаю, что лучше это сделать завтра. С утра меня одна не совсем приятное, но нужное дело. Я же обещал, то буду занятостью о Мышке.

Ее лечащий врач, разговаривая со мной по телефону, просто истекает любезностью.

Увидеть супругу вашего брата? Разумеется. Поговорить с ней наедине? Как скажете. Можете сегодня. Завтра? Изумительно, мы ждем вас. Конечно-конечно. В любое удобное для вас время. И вам всего наилучшего. Ждем вас.

Утром я звякнул звоню Аврору. Она не отвечает. Ладно, неважно. Вечером я обязательно увижу ее, мою сладкую прелестьницу. А сейчас... Ох, как же мне хочется видеть ее мать! Но надо, надо...

Мышка смотрит на меня совершенно невидящим взглядом. Как на предмет мебели.

- Здравствуй.

- Я говорил с врачом, он сказал, что тебе необходимо продлить лечение.

Ни слова в ответ.

- Аврора придет к тебе, скорее всего, завтра или послезавтра, у нее занятия в колледже.

- Как твоя голова?

- Что? - Я не готов к такому вопросу. При чем тут моя голова?

- Она не болит? Тогда тебя придется приложить, я ж помню.

- Помнишь? Откуда?

- А вот ты меня забыл, забыл... - Она криво усмехается, и вдруг неудержимо начинает хохотать. - Склеротик! Ты ничего не помнишь! Ничего!

Пожалуй, она окончательно режет глаз в этой улыбке. Смеется дико, безудержно, хрипло. Но в глазах - ни тени улыбки. Это смешно не радостный, а зловрадный.

- Тебе прочли дикие головные боли раз в месяц. Жаль, что у тебя такой крепкий череп. Ты уже пересал с Авророй?

Такие резкие перемены в разговоре сбивают меня с толку. Откуда она узнала...

- Аврора говорила, что ты толкала ее ко мне в постель. Что ж тебе теперь не нравится?

- Главнее, чтобы нравилось тебе, милый.

Последнее слово она произносит с особым нажимом. И глядя в ее глаза, я чувствую, как во мне поднимаются страхи.

Обрывки памяти... Их так много... Отдающиеся осколками мозаики складываются в одну картину.

Я слышу чей-то дикий крик. Это я. Боже, неужели я могу так кричать? А Мышка продолжает смеяться даже после того, как мои руки смыкаются на ее щипляющей шее. Два диких санитара врываюются в комнату и скручивают меня в бараний рог.

- Дайте ему успокаивающее! Быстрее!

В руках одного из них я вижу шприц. Игла вливается мне в плечо. Перед глазами плывут цветные круги. Я отключаюсь.

... Моя память зло шутит надо мной, вновь и вновь прокручивая перед глазами забытые отрывки того вечера.

Кабак "Три сосны". Сквозь туман табачного дыма передо мной возникает фигура официанта. Ужасная серость! Маленькая, с куцым хвостиком волос! Где они нашли такую мышь?

- Эй, красавица! Мне нужен "Хайникен".

- Может, тебе хватит?

- Отстаньте все от меня. Крошка, не слушай этих уродов. Я хочу "Хайникен". А еще я хочу раз